

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ДЕШЕРИЕВА Т. И.

О СООТНОШЕНИИ МОДАЛЬНОСТИ И ПРЕДИКАТИВНОСТИ

В теории языкознания, несмотря на наличие уже большой литературы по модальности, пока нет единого мнения даже по основным существенным характеристикам этой языковой категории. Нередко лингвистическая модальность сводится главным образом к традиционной логической модальности суждения (Г. В. Колшанский [1], В. З. Панфилов [2] и др.), выражающейся преимущественно синтетическими формами наклонений; иногда она трактуется как широкая разноплановая категория, характеризующая отношение говорящего к содержанию высказывания (В. В. Виноградов [3], Г. А. Золотова [4], Н. Ю. Шведова [5], Н. Е. Петров [6] и другие, например [7]). Естественно, что и классификация предложений по типу модального значения, как и дифференциация самих модальных значений, также не отличается единством [6, 8].

Необходимо отметить, что характеристика языковой модальности (нередко весьма противоречивая), содержащаяся в указанных и других исследованиях разноструктурных языков, обычно исходит (явно или неявно) из характеристики той или иной части компонентов семантики логической модальности в широком смысле. Краткий экскурс, проделанный в сферу модальной логики, позволяет сделать следующие выводы.

1) Теория алетических модусов (логических и онтологических) объясняет сущность тех компонентов семантики языковой модальности, которые констатируют факты наличия (или определенной вероятности наличия), либо факты отсутствия (или определенной вероятности отсутствия) связи субъектов и предикатов суждений человека о материальном мире, частью которого он является, и его духовном мире. Основными способами языкового выражения рассматриваемых компонентов семантики модальности являются: утвердительное и отрицательное наклонения, традиционно объединяемые термином «изъявительное наклонение», вероятностное наклонение, специальная модальная лексика, интонация.

2) Теории нормативных (деонтических), аксиологических, эпистемических модусов раскрывают содержание тех компонентов семантики языковой модальности, которые констатируют отношение человека к смыслу сообщения (субъективное, обусловленное общественными нормами, уровнем его знаний). Основными способами языкового выражения указанных компонентов модальности являются наклонения: повелительное, желательное, условное, сослагательное и др., нередко имеющие маркированные оттенки, специальная модальная лексика, интонация.

3) О временной модальности в лингвистике говорить не принято, хотя языковая модальность этого типа существует; ее сущность раскрывает теория временных модусов. В языке этот тип модальности имеет специальные средства выражения (лексические и грамматические).

4) В принципе квалификаторы любого типа, относящиеся к значению всего предложения, являются модусами этого типа и входят в сферу логической модальности. Каждому типу модусов, создающему определенный тип логической модальности, соответствует определенный компонент семантики языковой модальности. Тем более положительно решается вопрос о статусе модальных квалификаторов — оценочных и иных вводных, модальных слов и их синтаксических эквивалентов, характеризующих, уточняющих, квалифицирующих смысл суждения, к которому они относятся. Как известно, разногласия лингвистов по вопросу об объеме и содержании языковой модальности возникают прежде всего из-за непризнания сторонниками «узкой теории модальности» за деонтическими, аксиологическими и другими квалификаторами статуса модусов соответствующих типов [9—12].

Связь компонентов семантики языковой модальности с соответствующими типами модусов модальной логики дает возможность более аргументированно определить объем и содержание первой. Не менее важным для решения этой задачи является уточнение соотношения языковой модальности и предикативности. В связи с этим заслуживают особого внимания такие компоненты модальности и предикативности, как интонация и актуальное членение предложения.

В современной фонологии основной целью анализа интонации является выявление интонационных единиц, каждая из которых обладает определенным значением, имеет определенные акустические характеристики, выражающие это значение. Таким образом, специфические признаки единиц интонации позволяют отличать их друг от друга и вместе с тем различать соответствующие им значения. Единица интонации (идея о существовании которой была выдвинута в языкознании в 20—30-х годах XX в.) называлась по-разному: интонома, просодема, вторичная фонема, супер-сегментная фонема. В последних работах используется термин «интонома». В любом языке подобно системе фонем экспериментально выделяются системы интоном. Интонома определяется как модель интонации качества, так или иначе связанного со значением предложения. Она подобно фонеме, дифференцирующей лексико-грамматические значения, в определенной мере дифференцирует семантику предложений [13¹, 14].

В теории интонации нет пока общепринятой классификации интоном. Нам представляется наиболее целесообразным выделение интоном интеллектуальных (экспрессивных, волюнтаривных) и эмотивных. Интеллектуальные интономы выполняют в языке такие основные функции: 1) противопоставление предложений по цели коммуникации (различение предложений повествовательных, вопросительных, повелительных, восклицательных); 2) членение фразы на особые единицы по степени их важности (информативности) в момент сообщения. Интеллектуальные интономы степени связи и степени важности представляют собой существенную часть средств выражения смысловой связи (подчинительной, сочинительной) между понятиями и синтагмами понятий простого и сложного предложений, а также между единицами актуального членения предложения.

Как известно, коммуникативный тип предложения выражается интонационными, лексическими, грамматическими средствами. Функциональная нагрузка интонации существенно возрастает, если тип предложения выражен только интонационно (например, в случае общего вопроса или

¹ Библиография этой работы содержит 1800 наименований исследований отечественных и зарубежных авторов по вопросам интонации.

так называемых номинативных предложений в разноструктурных языках). Интонация — древнейший обязательный компонент структуры любого предложения — является одним из основных средств выражения модальности и предикативности в языке любой типологии.

Коммуникативная интолема, оформляя языковую единицу как предложение, служит одновременно средством выражения модальности и предикативности. Интолема важности, производящая актуальное членение предложения, также входит как в сферу средств выражения модальности, так и в сферу средств выражения предикативности, поскольку в результате актуального членения изменяется суждение v' исходного предложения, следовательно, получается новое предложение, имеющее дополнительный компонент модальности и предикативности, обозначенный интолемой важности.

Проблема актуального членения предложения в теоретическом и практическом планах остается пока еще нерешенной в полном смысле этого слова, несмотря на наличие уже большой специальной литературы. Различные мнения относительно сущности рассматриваемого языкового явления, его места и роли в структуре предложения подтверждаются существующей в специальной литературе терминологией (ср.: «смысловое», «синтагматическое», «актуальное», «логико-грамматическое» членение предложения). Различны и наименования частей «членения» (ср.: «основа» и «ядро» у В. Матезиуса [15], которым в работах других авторов соответствуют либо «психологический субъект», «психологический предикат» [16—21], либо «тема», «рема» [22—23], либо «лексический субъект», «лексический предикат» [24], либо «логический субъект», «логический предикат» [25—27] и т. д.).

Лингвисты психологического направления, положившие начало исследованию рассматриваемой проблемы, правильно отмечая факт различного смыслового соотношения между компонентами выражаемого в предложении содержания, выносили его исследование за пределы лингвистики, в сферу психологии. В связи с этим необходимо отметить, что неопенимой заслугой В. Матезиуса было то, что он впервые поставил изучение рассматриваемого языкового явления на лингвистическую основу и попытался обосновать его, исходя из коммуникативной сущности предложения как важнейшей языковой единицы. Мысль о важности коммуникативного аспекта предложения находим и в работах по синтаксису советских лингвистов, например, у В. В. Виноградова: «Грамматическое учение о главных и второстепенных членах предложения устанавливает лишь внешнюю, формальную, схему построения строения предложения, тогда как в живой общественной практике в одном и том же предложении (точнее — в его лексико-грамматическом составе.— Д. Т.) находят разное выражение субъекты и предикаты разных суждений как живые, подвижные центры мысли и речи» [28].

Исследование субъектно-предикатного (актуального) членения предложения в разноструктурных языках показало, что характер средств, маркирующих это членение, в значительной мере коррелирует с их типологическими особенностями. Так, например, в агглютинативных языках большую роль в выражении предиката производных предложений парадигмы актуального членения играют морфологические средства, в том числе специально используемые для этой цели морфемы, выступающие как компоненты слова и присоединяемые к последнему по способу агглютинации, а также выделительно-ограничительные частицы, модальные слова, формы выражения отрицания. При этом важно подчеркнуть, что перед-

ко одни и те же языковые средства маркируют логический предикат (сказуемое) исходного и производных предложений парадигмы актуального членения. Ср., например, в узбекском: *Сен бу ишни қилдинг-ми?* «Ты эту работу выполнил?»; *Сен-ми бу ишни қилдинг?* «Эту работу выполнил ты?»; *Сен бу ишни-ми қилдинг?* «Ты выполнил эту работу?». Здесь вопросительная частица *-ми* выступает в роли форманта предиката во всех предложениях указанной парадигмы [29]. Во флективном русском языке соответствующие производные предложения маркируются логическим ударением на лексеме, обозначающей предикат, и отнесением этой лексемы в конец предложения.

Заметим здесь, что аналогичным образом ведет себя в узбекском языке отрицательный аффикс *-ма*, маркируя логический предикат всех предложений парадигмы актуального членения [29]. В русском языке этому аффиксу соответствует отрицательная частица *не*, также маркирующая предикаты всех предложений указанной парадигмы, непосредственно предшествуя этим предикатам. Нередко эта маркировка сопровождается логическим ударением на лексеме с отрицательной частицей и отнесением этого комплекса в начало или в конец предложения [30]; ср. в русском: *Он не любит тебя; Не он любит тебя; Не тебя он любит;* или *Любит тебя не он; Он любит не тебя* и т. д.

Сравнение материала даргинского, лакского, табасаранского, аварского и других дагестанских языков свидетельствует о наличии в них единого принципа построения парадигмы актуального членения. Например, релевантным признаком исходного и производных предложений парадигмы является определенное различие в структуре сказуемого. Сказуемое исходного предложения — это глагольная форма, маркированная соответствующими аффиксами спряжения (см. в хайдакском диалекте даргинского языка: *ду цявун-да хъале* «я пришел домой»), а сказуемое в предложении с актуальным членением — это причастная форма в постпозиции. Ср.: *ду-да цявунил хъале* «(именно) я пришел домой» [букв. «(именно) я пришедший домой есть»]; *ду цявунил хъале-да* «я пришел (именно) домой» [букв. «я пришедший (именно) домой есть»]. Этим предложениям в лакском языке соответствуют: *на увкI-ра шавай; на-ра увкIсса шавай; на увкIсса шавай-ра*. Заметим, что в приведенных парадигмах один и тот же аффикс (соответственно *-да* или *-ра*) маркирует предикаты всех предложений парадигмы актуального членения. И это не случайно. Например, в лакском языке наиболее употребительными маркерами предикатов во всех предложениях парадигмы актуального членения являются аффиксы спряжения *-р*, *-ра*, *-ру-*, *-ри*, дающие одинаковую возможность изменения по лицам предикату-сказуемому исходного и производных предложений. Ср. изменение по лицам глагола-сказуемого лакского исходного предложения парадигмы:

на увкI-ра шавай «я пришел домой»;
ина увкI-унни шавай «ты пришел домой»;
та увкI-ри шавай «он пришел домой»;
жу бувкI-ру шаппай «мы пришли домой»;
зу бувкI-унну шаппай «вы пришли домой»;
та бувкI-унни шаппай «они пришли домой»

и соответствующие изменения логических предикатов в производных предложениях парадигм актуального членения:

на-ра увкIсса шавай «(именно) я пришел домой»;
ина-ра увкIсса шавай «(именно) ты пришел домой»;
та-ри увкIсса шавай «(именно) он пришел домой»;

жу-ру *буекІсса шаппай* «(именно) мы пришли домой»;
 зу-ру *буекІсса шаппай* «(именно) вы пришли домой»;
 тай-ри *вуекІсса шаппай* «(именно) они пришли домой»;
 на *уекІсса шавай-ра* «я пришел (именно) домой»;
 ина *уекІсса шавай-ра* «ты пришел (именно) домой»;
 та *уекІсса шавай-ри* «он пришел (именно) домой»;
 жу *буекІсса шаппай-ру* «мы пришли (именно) домой»;
 зу *буекІсса шаппай-ру* «вы пришли (именно) домой»;
 тай *буекІсса шаппай-ри* «они пришли (именно) домой» [31].

В приведенных примерах особый интерес представляет факт одинакового изменения по лицам предиката исходного и производных предложений парадигмы актуального членения, независимо от того, глаголом или иной частью речи предикат выражен. Это свидетельствует о равноправном в предикатовыделительном процессе положении всех предложений парадигмы и о неразличении в далеком прошлом имени и глагола в структуре языка.

В разноструктурных языках для маркировки предиката в предложениях парадигмы актуального членения нередко используются также модальные слова и частицы, характеризующие степень проблематической или категорической достоверности сообщения или имеющие семантику иных модусов. Например, в русском языке такими модальными словами являются: *возможно, может, быть, вероятно, по-видимому, безусловно, несомненно, конечно* и др. В составе предложения они интонационно и обычно позиционно тяготеют к тому члену предложения, который выражает логико-грамматический предикат, ср.: *Я, возможно, в театр пойду завтра; Возможно, я в театр пойду завтра; Я в театр, возможно, пойду завтра; Возможно, завтра, я пойду в театр*. Особенно велика роль модальной лексики в маркировке предикатов предложений парадигмы актуального членения в языках с очень развитой системой модальных глаголов. При этом последние сохраняют специфику лексической семантики. Например, в немецком глаголы *dürfen* «сметь, иметь разрешение» и *sollen* «быть должным, быть обязанным» в большинстве случаев выражают соответственно возможность и необходимость (долженствование) с точки зрения существующих в обществе моральных норм, а глаголы *können* «мочь, иметь возможность, быть в силах» и *müssen* «быть должным» выражают главным образом соответственно возможность и необходимость с точки зрения объективных условий. Вместе с тем при маркировке предикатов в предложениях парадигмы актуального членения нередки случаи употребления глагола *können* в функции глагола *dürfen*, а глагола *müssen* в функции глагола *sollen* [32].

В языках аналитического строя существенная роль в маркировке предикатов предложений парадигмы актуального членения отводится специальным синтаксическим предикатовыделительным конструкциям, что обусловлено отсутствием необходимых морфологических маркеров указанного назначения. Например, в английском языке предикатовыделительными конструкциями являются: 1) инверсия с вводным *there*: *There was a large pier-glass between the two windows* «Между двумя окнами сверкало большое трюмо»; 2) инверсия без вводного *there*: *Ahead was a river-valley* «Впереди была долина реки»; 3) двойная инверсия: *Seated in a row close to one another were three ladies* «В ряд, тесно одна к другой, сидели три леди»; 4) оборот с *it is (that)*: *It was England he had wanted* «Ему нужна была именно Англия» [29]. Как известно, конструкции с *There is a* и *It is (the)* без инверсии оформляют исходные предложения соответственно с семантикой существования и отождествления, ср.: *There is a man; It is the table*. Таким

образом, они являются предикатовыделительными в исходных и производных предложениях парадигм актуального членения.

К предикатовыделительным средствам в рассматриваемом языке относятся также модальные слова: *perhaps* «может быть», *possibly* «возможно», *probably* «вероятно», *evidently, obviously* «очевидно», *of course* «конечно», *surely* «конечно, несомненно», *no doubt* «несомненно», *in fact* «фактически», *in truth* «действительно», *naturally* «конечно» и др.; выделительно-ограничительные частицы: *only* «только», *just* «именно, точно», *merely* «только; просто», *namely* «именно», *solely* «исключительно, единственно», *at least* «по меньшей мере», *rather than* «тем более», *even* «даже», *exactly* «точно, как раз, именно»; *precisely* «точно»; формы выражения отрицания (см.: *Even the White Monkey would refuse fruit like that* «Даже белая обезьянка отказалась бы от таких фруктов»; *You have no shame and no honour* «У вас нет ни стыда, ни совести» [29]. К числу предикатовыделительных средств здесь относится также неопределенный (и нулевой) артикль.

Как видно из рассмотренных примеров, средства выражения актуального членения в любом языке коррелируют с его типологическими особенностями. Однако предикатовыделительные средства в исходных и производных предложениях парадигм актуального членения всегда берутся из общего набора морфолого-синтаксических, лексических, интонационных средств языка и нередко совпадают. Этот факт заставляет усомниться в целесообразности выделения в языке двух якобы «принципиально различных» уровней — синтаксического и логико-грамматического, в отнесении предикативности лишь к логико-грамматическому уровню и, следовательно, признании существования предложений без предикативности. Учитывая бесконечность процесса познания человеком окружающего мира и самого себя, относительную достоверность приобретенных и приобретаемых им знаний, а также единство набора средств выражения модальности в языке, используемого как в исходных, так и в производных предложениях парадигм актуального членения, нам представляется вообще неоправданным деление языковой модальности на «объективную» и «субъективную». Справедливости ради надо сказать, что даже последовательные сторонники целесообразности такого деления иногда высказывают мысли, смягчающие категоричность их суждений: «между значениями субъективной и объективной модальности и способами их языкового выражения не существует резкой грани» [33, с. 45]; «...очевидно, что взаимодействие субъективной и объективной модальностей и способов их языкового выражения должно быть предметом специального исследования, поскольку этой проблеме до настоящего времени почти не уделялось никакого внимания» [33, с. 46; 23].

Особо следует сказать о модусах-квалификаторах, не производящих актуального членения и относящихся к содержанию предложения в целом (см., например: *Хорошо, что идет снег; Грустно, что все уже кончилось* и т. д.). Поскольку модусы-квалификаторы создают новые суждения, они являются одним из средств выражения компонентов семантики модальности и предикативности. Таким образом, модальные, вводные слова, экспрессивно окрашенная лексика выражают компоненты семантики модальности и предикативности в тех, и только в тех, случаях, когда либо являются модусами-квалификаторами исходного предложения в целом, либо маркируют его актуальное членение. Аналогичный вывод правомерен и относительно других средств выражения актуального членения: интонация, специальные аффиксы, частицы и другие предикатовыделительные средства, маркирующие актуальное членение, являются средствами вы-

ражения дополнительных компонентов семантики модальности и предикативности. Модальность — основное средство реализации предикативности (наряду с языковыми категориями: времени, аспектуальности, залоговости, числа и др.). Следовательно, она входит в предикативность как часть в целое.

Основными компонентами семантики модальности являются: (А) — класс компонентов, характеризующих целевую коммуникативную установку говорящего (или пишущего), независимо от специфики гносеологического аспекта суждения v' , обозначенного предложением. Средства языкового выражения этих компонентов семантики модальности (интонаемы цели коммуникации и типы связи субъекта и предиката суждения v') создают основные структурные типы предложения: утвердительный, отрицательный, вопросительный, повелительный, восклицательный, реально-условный, нереально-условный, желательный, потенциальный, уступительный, абсентив и др. Некоторые из них имеют маркированные в глаголе-сказуемом оттенки модального значения, создающие соответствующие подтипы. Ср., например, повелительный, просительно-повелительный и другие типы предложения в ряде иберийско-кавказских, тюркских и других языков. Если в конкретном языке систематически маркируются определенные семантические компоненты класса (А) в форме глагола-сказуемого, правомерно говорить о существовании в этом языке наклонений, с семантикой и наименованием соответствующих компонентов этого класса (например, утвердительное, отрицательное, повелительное, запретительное, условное, желательное и другие наклонения в нахских языках).

Класс (А₁) составляют компоненты семантики модальности, характеризующие тот или иной гносеологический аспект суждения о внешнем или внутреннем мире человека, создаваемый соответствующими онтологическими, логическими или эпистемическими модусами, которые могут быть представлены в структуре предложения, обозначающего суждение v' , эксплицитно или имплицитно. Средства выражения этих компонентов модальности являются лексико-грамматическими при наличии эксплицитно выраженных модусов. Если в конкретном языке имеет место систематическая маркировка тех или иных компонентов класса (А₁) в форме глагола-сказуемого, правомерно говорить о существовании в этом языке наклонений с семантикой и наименованием соответствующих компонентов модальности. См., например, в даргинском языке вероятностное (предположительное) наклонение, имеющее формы настоящего и будущего времени (*вакI-иша* «вероятно, приду», *вакI-иши* «вероятно, пришел»).

В класс (А₂) входят компоненты семантики модальности, создаваемые любым из деонтических, аксиологических, временных и других модусов, которые в структуре предложения, обозначающего суждение v' , могут наличествовать, как и выше рассмотренные модусы класса (А₁), эксплицитно или имплицитно. Если в конкретном языке систематически маркируются те или иные компоненты класса (А₂) в форме глагола-сказуемого, правомерно говорить о существовании в этом языке наклонений, с семантикой и наименованием соответствующих компонентов класса (А₂) модальности.

В класс (А₃) входят дополнительные семантические компоненты модальности, создаваемые актуальным членением любого предложения, допускающего такое членение. Очевидно, средствами выражения компонентов этого класса являются средства выражения актуального членения предложения: интонация, порядок слов, предикативыделительные аффиксы, модальные, вводные слова, относящиеся к предикату нового суждения, получающегося в результате актуального членения.

Учитывая сказанное, модальностью мы называем лексико-грамматическую категорию, характеризующую целевую коммуникативную установку, тип связи субъекта и предиката суждения v' , обозначенного предложением, интонаем последнего и модус отношения говорящего (или пишущего) к смыслу сообщения. Тем самым модальность выражает отношение суждения v' к действительности (с точки зрения говорящего или пишущего) и отношение говорящего или пишущего к смыслу сообщения. Элемент субъективности наличествует во всех компонентах семантики модальности, поэтому ее деление на субъективную и объективную весьма условно. Ограничение модальности рамками реальности-пререальности названного в суждении действия лишено принципиальной основы, поскольку является предметом гносеологии.

Структура семантического поля языковой модальности может быть записана таким образом: (1) СПМ $\equiv A \wedge (A_1 \vee A_2 \vee A_3)$, где \wedge — знак логической конъюнкции; \vee — знак логической дизъюнкции в неисключающем смысле. Здесь необходимо подчеркнуть обязательное наличие в любом предложении соответствующего элемента класса (A), обеспечивающего ему определенную коммуникативную установку и тип связи субъекта и предиката суждения v' , обозначенного этим предложением. Дизъюнкция формулы (1) истинна при истинности любого числа ее членов. Компоненты класса (A_1), (A_2) отличаются типами модусов, которые довольно часто не являются взаимоисключающими, поэтому вполне возможно одновременно наличие в одном и том же предложении модусов, относящихся к упомянутым подклассам. Ср., например: *Вероятно, запрещено входить в этот музей без специальной обуви; Плохо, что невозможно сегодня выполнить это задание* и т. д. Модусы первого предложения, обозначенные лексемами *вероятно, запрещено*, входят соответственно в классы (A_1), (A_2). Модусы второго предложения, обозначенные лексемами *плохо, невозможно*, входят соответственно в (A_2), (A_1). Компонент класса (A_3) может быть в любом предложении, допускающем актуальное членение.

В разноструктурных языках с развитой парадигмой глагольного словоизменения наклонения являются основным средством выражения модальности. Предлагаемое нами определение наклонения является следствием данного выше определения модальности.

Наклонением мы называем категориальную форму модальности, передающую в синтетической или аналитической форме глагола-сказуемого значение определенного компонента (или компонентов) классов A, A_1 , A_2 , A_3 ее семантики, характеризующих соответствующее отношение смысла сообщения к действительности с точки зрения говорящего или пишущего и отношение последнего к смыслу сообщения. Вполне разделяем мнение Н. Е. Петрова, в соответствии с которым «система наклонений, имеющая место во всех языках мира и выделенная как одна из центральных категорий глагола в результате длительного изучения разноструктурных языков не одним поколением лингвистов, не должна подвергаться сомнению или раздроблению ради „уточнения и конкретизации“ модальности. Наоборот, она должна служить фундаментом для уточнения содержания и объема этого понятия, как категория, наиболее развитая, достигшая морфологического выражения...» [6, с. 30]. Основу семантики языковой модальности составляет совокупность значений наклонений, выявленных в соответствии с одними и теми же принципами в разноструктурных языках. Однако языковая модальность в целом не исчерпывается совокупностью значений наклонений, поскольку включает в себя и модусы, не получившие статуса последних. Ее семантическое поле шире этой

совокупности значений и описывается приведенной выше формулой (1), а в ее план выражения входит не только морфологические, но и синтаксические, лексико-грамматические, фонетические языковые средства.

Материалы разноструктурных языков, наше определение языковой модальности, соотносящее ее с модальной логикой, позволяют выделить следующие наклонения: 1) повелительное (императив), 2) утвердительное (положительное), 3) отрицательное, 4) вопросительное, 5) восклицательное, 6) условное, 7) сослагательное, 8) уступительное, 9) вероятностное (предположительное, гипотетическое), 10) желательное (оптатив), 11) потенциальное, 12) абсентив (наклонение неочевидности действия), 13) запретительное, 14) разрешительное и др. Поскольку модусы модальной логики образуют открытое множество, как и соотношенные с ними компоненты семантики языковой модальности любого из выделенных нами классов (A, A_1, A_2, A_3), постольку открытым является и множество допустимых в языке наклонений, которые формировались и формируются в процессе развития языков.

Надо сказать, что по вопросу о соотношении модальности и предикативности существуют различные мнения. Предлагаемое здесь понимание этого соотношения является прежде всего следствием ранее данного нами определения предложения как предикативного языкового знака типа $\Sigma(\mu, \nu', \sigma, \pi)$, где μ — означающее, индифферентное к цельюоформленности; ν' — суждение, соотношенное с денотативно-референтной ситуацией, фрагментом действительности, обозначенное предложением; σ — синтактика (= синтагматическая ценность), складывающаяся из: а) семантической избирательности, предопределяемой спецификой сигнификатов слов, словосочетаний, входящих в предложение, и предложения в целом; системными средствами языка (типами моделей смысловых отношений и соответствующих им синтаксических конструкций, характером семантических распространителей, пресуппозициями, контекстом); б) валентности слов, словосочетаний, входящих в предложение, и валентности знака-предложения, рассматриваемого как логический предикат; в) грамматической значимости входящих в предложение слов, словосочетаний и предложения в целом; г) потенциально возможных сочетаний слов, словосочетаний (компонентов предложения) и предложения в целом с другими знаками языковой системы, обозначающих новые смыслы в условиях речевой деятельности; π — прагматика, включающая в себя: 1) предикативность, соотносящую высказывание с денотативно-референтной ситуацией, фрагментом действительности через средство модальности и локализации сообщаемой информации в пространстве и времени (формальной или с помощью пресуппозиций, контекста); 2) пресуппозиции (контекстные и экстралингвистические; частным случаем последних являются денотативно-референтные пресуппозиции) [34—35]. Таким образом, модальность входит в предикативность как основной компонент ее семантики, являясь тем самым, как и предикативность, универсальной языковой категорией, в сфере которой находится каждое предложение любого языка, независимо от характера его типологии.

Иногда модальность рассматривается как категория более широкая, чем предикативность. В этом случае в ее сферу включаются лексемы и словосочетания с семантикой оценки называемых предметов, процессов, явлений (ср., например, русские слова: *рука* — *ручища* — *рученька*; словосочетания: *грязная история*, *допотопная старуха*, *абсолютный балбес* и т. д.). Однако при столь расширенном понимании модальности экспрессивно-эмоциональная оценка говорящим того или иного предмета, процесса, яв-

ления действительности оказывается доминантным компонентом семантики рассматриваемой категории, что не соответствует объективной языковой реальности.

Модальность — это прежде всего основное средство реализации предикативности, обязательно содержащее в своей семантике коммуникативную установку сообщения и тот или иной тип субъективно-предикативной связи в суждении, обозначенном предложением. Экспрессивно-эмоциональная оценка того или иного члена предложения может получить статус дополнительного компонента семантики предикативности и модальности лишь в том случае, когда средства ее выражения маркируют актуальное членение этого предложения и тем самым являются языковым средством выражения дополнительного компонента семантики предикативности и модальности нового суждения, полученного в результате актуального членения. Модальность производного предложения парадигмы актуального членения представляет собой конъюнкцию модальности исходного предложения и ее дополнительного компонента, полученного при актуальном членении.

Для примера рассмотрим несколько парадигм актуального членения в русском языке:

- 1) *Она приходила вчера;*
Вчера приходила она;
Приходила она вчера.

В производных предложениях этой парадигмы актуальное членение выражено интонемой важности, которая реализуется постановкой лексемы с логическим ударением в начальную позицию. Модальность каждого предложения парадигмы имеет интеллектуальную (целевую) интонеми повествования, изъявительное (утвердительное) наклонение глагола-сказуемого. Производные предложения имеют еще дополнительную интонеми важности. Легко видеть, что здесь модальность производного предложения парадигмы актуального членения является конъюнкцией модальности исходного предложения и модальности, созданной актуальным членением и выраженной интонемой важности. Аналогично предикативность производного предложения является конъюнкцией предикативности исходного предложения и предикативности, созданной актуальным членением и выраженной той же интонемой важности.

- 2) *Марина завтра уедет?*
Марина уедет завтра?
Завтра уедет Марина?

Здесь модальность каждого предложения парадигмы имеет интеллектуальную (целевую) интонеми общего вопроса, изъявительное (утвердительное) наклонение глагола-сказуемого. Интонеми важности, реализуемая постановкой лексемы с логическим ударением в конечную позицию, обозначает дополнительный компонент модальности (и предикативности), обусловленный актуальным членением.

- 3) *Приходи ко мне завтра!*
Завтра ко мне приходи!
Завтра приходи ко мне!

В этой парадигме модальность каждого предложения имеет интеллектуальную (волеизъявительную) интонеми повеления, повелительное наклонение глагола-сказуемого. Интонеми важности, реализуемая постановкой

лексемы с логическим ударением в конечную позицию, обозначает дополнительный компонент модальности (и предикативности) в соответствующих производных предложениях парадигмы актуального членения.

Актуальное членение предложения — это один из способов реализации принципа экономии языковых средств человеком — носителем языка. Парадигма актуального членения — пример выражения одним и тем же (или почти одним и тем же) набором лексем различных мыслей-суждений. Дополнительный компонент семантики модальности и предикативности, создаваемый актуальным членением (независимо от того, какими языковыми средствами оно маркировано), не выходит из сферы субъективности уже потому, что является одновременно и компонентом модальности, и компонентом предикативности, что подтверждает условность отнесения актуального членения к «субъективной» модальности.

Учитывая, что предикативность реализуется в подавляющем большинстве случаев не только через посредство модальности, но и через посредство ряда других языковых категорий (лица, числа, времени, аспектуальности, залоговости и др.), сфера ее семантики выходит за пределы модальности, расширяясь за счет семантики дополнительно указанных категорий. Соответственно за счет маркеров этих категорий расширяется набор языковых средств, маркирующих предикативность.

Предикативность реализуется лишь через посредство модальности в случае выражения последней с помощью интонации (в однословных безличных и так называемых номинативных предложениях). Следовательно, соотношение сфер семантики предикативности и модальности можно представить в виде логической формулы: (2) $\text{Pred} \equiv \text{Mod} \wedge (p \vee n \vee t \vee s \vee a \vee v \vee \dots)$, где, соответственно: Pred — предикативность, Mod — модальность, p — лицо, n — число, t — время, s — пространство, a — аспектуальность, v — залоговость; \wedge — логический знак конъюнкции (в смысле присоединения), \vee — логический знак дизъюнкции (в неисключающем смысле). Специальной оговорки требует обязательное наличие в формуле предикативности первого элемента конъюнкции (Mod), без которого нет предикативности. Второй член конъюнкции, заключенный в скобку, может быть реализован любым конечным числом элементов дизъюнкции в зависимости от структуры предложения; этот член равен нулю в случае выражения модальности и предикативности лишь с помощью интонации. Число элементов дизъюнкции может быть увеличено, если в рассматриваемом языке окажутся компоненты семантики, предикативности, отличные от указанных в скобке формулы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колшанский Г. В. К вопросу о содержании языковой категории модальности. — ВЯ, 1961, № 1.
2. Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971.
3. Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
4. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
5. Шедова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
6. Петров Н. Е. О содержании и объеме языковой модальности. Новосибирск, 1982.
7. Грамматика русского языка. Т. II (Синтаксис). М., 1980.
8. Бондаренко В. Н. Виды модальных значений и их выражение в языке. — ФН, 1979, № 2.
9. Логическая семантика и модальная логика. М., 1967.
10. Неклассическая логика. М., 1970.
11. Семантика модальных и интенциональных логик. М., 1981.

12. *Ивин А. А.* Логика норм. М., 1973.
13. *Целлитис Л. К.* Анализ речевой интонации. Рига, 1974.
14. *Торсуева И. Г.* Интонация и смысл высказывания. М., 1979.
15. *Mathesius V.* O tak zvaném aktuálním členení větěm.— В кн.: Čestina a obecný jazykozpyt. Praha, 1947.
16. *Пешиковский А. М.* Школьная и научная грамматика. 4-е изд. М.— Л., 1923, с. 30—35.
17. *Paul H.* Deutsche Grammatik. Bd. 3. Halle, 1954, S. 10, 12.
18. *Крушельницкая К. Г.* К вопросу о смысловом членении предложения.— ВЯ, 1956, № 5.
19. *Фортуатов Ф. Ф.* Избранные труды. Т. 2. М., 1957, с. 456, 457.
20. *Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960, с. 339.
21. *Gabelentz G. V.* Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse Leipzig, 1881, S. 353—354.
22. *Boost K.* Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes. Berlin, 1955.
23. *Слюсарева Н. А.* Проблемы функционального синтаксиса английского литературного языка. М., 1981.
24. *Смирницкий А. И.* Синтаксис английского языка. М., 1957.
25. *Распопов И. П.* Актуальное членение предложения. Уфа, 1961.
26. *Панфилов В. З.* Грамматика и логика. М.— Л., 1963.
27. *Панфилов В. З.* Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982.
28. Грамматика русского языка. Т. II. Ч. I. М., 1954, с. 91.
29. *Каримова Э. Р.* Логико-грамматическое членение простого предложения современного узбекского языка в сопоставлении с английским: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1981, с. 11.
30. *Панфилов В. З.* Отрицание и его роль в конституировании структуры простого предложения и суждения.— ВЯ, 1982, № 2.
31. *Хайдаков С. М.* Логическое ударение и членение предложения.— В кн.: Актуальные проблемы нахско-дагестанского языкознания. Махачкала, 1986.
32. *Крашенинникова Е. А.* Модальные глаголы в немецком языке. М., 1974, с. 58—61.
33. *Панфилов В. З.* Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения.— ВЯ, 1977, № 4.
34. *Дешериева Т. И.* К проблеме номинатива.— ФН, 1983, № 3.
35. *Дешериева Т. И.* Система субъектно-объектных отношений в разноструктурных языках. Гл. I. М., 1985.